

Мои впечатления от стихов Гелии Мигулиной и Дианы Никифоровой

Как сказал когда-то очень давно один мой старый друг, уже давно ушедший, он сказал это о моих тогдашних стихах, он сказал:

— Старичок, тут два варианта: либо это этап, либо это диагноз.

И дело не в том, хорошие стихи или плохие.

Кстати, мои стихи были безбожно плохи, а у наших поэтесс стихи хорошие.

Дело в том, что стихи — это не стихи, строго говоря, а что-то ещё.

И это что-то ещё мне не нравится.

Из-за того, что стихи хорошие, оно мне ещё больше не нравится.

Из-за того, что в этом есть и то, что мне нравится, мне это ещё больше не нравится.

В жизни каждого человека рано или поздно наступает момент, когда он перестаёт интересоваться самим собой и успокаивается.

У некоторых этот момент не наступает до самой смерти.

Недавно мы с моим китайским другом, профессором Гю Юем из Тяньцзиня, обсуждали вопрос о лирическом герое, в частности, в китайской поэзии, особенно, старой.

Гу Юй считает, что лирический герой, конечно, всегда есть, но он скрытый, скрывается, не показывается.

А вот в русских переводах китайских стихов всё время вылезают личные местоимения, которых в оригинале нет.

Конечно, это особенность грамматики языка, а также менталитета, но ещё и особенность поэзии.

С тех пор я внимательно слежу за этими самыми местоимениями в стихах: и чужих, и своих, и бью себя по рукам, когда обнаруживаю, что, забывшись, вывожу в стихах эти самые личные местоимения.

Прежде всего, конечно, местоимение «я».

У Гелии в 11 стихотворениях 28 раз встречается местоимение «я».

У Дианы — тоже в 11 стихотворениях — 44 раза.

И это я ещё другие падежи не считал.

Конечно, глупо говорить, что наши поэтессы пишут только о себе, любимых. Или нелюбимых.

Это вовсе не так.

Они пишут много о чём: о старости (что явно не о них), о маме, о бабушке и тумбочке, о сне и реальности, конечно, о «нём», кем бы он ни был, даже об имманентности бытия.

Но всё то, о чём они пишут, они пропускают через себя.

Обычно это как раз и считается достоинством поэзии: поэт пропустил мир через себя, через своё сердце, мы видим мир его глазами и так далее.

Так бывает, особенно, в женской поэзии.

Но, возвращаясь к тому, с чего я начал: это либо этап, либо диагноз.

Это не зеркало воды, которое отражает вещи и явления только тогда, когда оно спокойно.

Это, скорее, некая полупрозрачная турбулентность.

Мы смотрим на мир, но всё равно видим, прежде всего, автора.

Автор, конечно, тоже интересен.

Ну, раз, ну, два, но не всё время.

Я же не любовник поэтессы, чтобы меня всё время интересовала именно она.

Хочется посмотреть на мир глазами автора, но без него самого.

Хочется немного подвинуть автора в сторону: не загораживай!

Но, может быть, у меня это просто старческое брюзжание.

Стихи нервные, клокочущие, бурлящие, даже кричащие, как название одного из них: «АААААААААА».

В них — боль (в 2-х стихотворениях Гелии и в 5-и Дианы).

И, конечно, — любовь (в 5-и стихотворениях Гелии и в 6-и Дианы).

А также медицинско-физиологические детали, наверное, это сейчас модно.

Мир вокруг них кружится, вертится, колется, душит, возрождает и т.д.

Эта турбулентность кого-то может даже заморозить.

Меня не ворожит.

Впрочем, турбулентность — это, скорее этап.

С возрастом человек успокаивается. Во всяком случае, должен.

Но чем больше я ругаю эти стихи, тем больше они мне нравятся.

Не все.

У Гелии: «Старость и ярость», у Дианы: «Главное событие в жизни» и «Бабушка-тумбочка».

Может быть, ещё что-то.

Вопрос в том, что дальше?

А ещё мне не нравится подзаголовок интернет страниц, на которых я прочитал стихи Гелии Мигулиной и Дианы Никифоровой:

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ МЕТАМОДЕРНА И ТРАНСГУМАНИЗМА.

Мне кажется, ещё рановато хоронить старый добрый мир.

И хорошо бы помнить, что за любой революцией следует в той или иной форме реставрация.

К поэзии это тоже относится.

Игорь Бурдонов

*15 сентября 2020, вторник, 28-й день 7-й Луны.
8-й день 15-го сезона 白露 Бай лу — Белые росы.
3-й день 2-й пятидневки: Ласточки возвращаются.*